
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-8-5-15

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ В АЗИИ.
БЫТЬ ЛИ “АЗИАТСКОЙ НАТО”?**

© 2022 г. А.И. Никитин

*НИКИТИН Александр Иванович, доктор политических наук, профессор,
ORCID 0000-0003-3509-6893, an@inno.mgimo.ru
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76;
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23;
НИУ ВШЭ, РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20.*

Статья поступила 11.04.2022. После доработки 30.04.2022. Принята к печати 03.06.2022.

Аннотация. Единая стратегия создания новой организации безопасности в Азии отсутствует. Подобная инициатива не исходит от держав региона. США пытаются сформировать в нем военно-политический союз антикитайской направленности. Причем скорее путем активизации имеющихся форматов, чем посредством создания новой формализованной региональной организации. Американская концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) критикуется государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и особенно членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Понижается роль последней как организации – координатора в сфере безопасности. России следует проявлять осмотрительность в реагировании на неоформившуюся американскую инициативу антикитайской направленности, чтобы не муссировать новый биполярный раскол групп государств Азии и АТР, в котором к тому же у РФ окажется не ведущая, а вторичная роль. Большинство стран Азиатско-Тихоокеанского макрорегиона не готово к формальному антикитайскому союзу под руководством США.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Индо-Тихоокеанский регион, НАТО, региональная интеграция, военные союзы, АСЕАН, Китай, стратегия США.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Проекта системного развития международных связей Института международных исследований МГИМО (№ 2022-02-02).

**PROSPECTS FOR MILITARY-POLITICAL INTEGRATION IN ASIA.
IS AN “ASIAN NATO” FEASIBLE?**

*Alexander I. NIKITIN,
ORCID 0000-0003-3509-6893, an@inno.mgimo.ru
Moscow State Institute of International Relations, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(MGIMO University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation;
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
(IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation;
National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitckaya Str., 101000, Moscow, Russian Federation.*

Received 11.04.2022. Revised 30.04.2022. Accepted 03.06.2022.

Acknowledgments. The article is prepared within the Project of Systemic Advancement of the International Outreach at the MGIMO Institute for International Studies (№ 2022-02-02).

Abstract. A unified strategy of formation of a new organization on security in Asia is absent. Such an initiative is not being emanated by the states of the region. Up to a dozen of varying interpretations of the notion of an “Asian NATO” are spread among the political-academic circles of different countries. The main bulk of such interpretations remain of an American authorship and are aimed at formation of military-political alliance targeted against China, and rather through activation of existing formats than through establishing a formalized military alliance. There is an evolution of the quadrilateral format of QUAD. The bifurcation point in its development requires a choice between evolution towards the real military alliance or in direction of a hybrid strategy of general political and economic interaction within the Asia-Pacific region, with only marginal components in security area. The American concept of Indo-Pacific region is criticized by the states of the region, and especially by the ASEAN member countries. The role of ASEAN as organizer and coordinator in the security area is decreasing. New configurations of military-political cooperation in Asia and in the Asia-Pacific region are emerging (Japan–India, India–Indonesia–Australia). Russia should be cautious in reacting to not-yet-formed American initiative targeted against China, to avoid actions leading to a new split between groups of states in Asia as a whole and specifically in the Asia-Pacific region, with understanding that in such a split Russia would play not a leading but a secondary role. The majority of the states of the Asia-Pacific macro-region are not ready to shape or join any formal anti-Chinese alliance under the U.S. leadership.

Keywords: Asia-Pacific region, Indo-Pacific region, NATO, regional integration, military alliances, ASEAN, China, U.S. strategy.

About author:

Alexander I. NIKITIN, Doctor of Political Science, Professor, Director, Center for Euro-Atlantic Security, MGIMO University; Principal Researcher, Primakov National Research Institute for World Economy and International Relations (IMEMO); Professor, National Research University Higher School of Economics (HSE).

ВВЕДЕНИЕ

В политических дебатах и научной литературе все чаще можно встретить рассуждения о перспективах формирования “азиатской НАТО”. Этот термин является “журнализмом”, на сегодняшний день не закрепленным и не принятым ни в одном официальном документе США, КНР или других азиатских стран. Однако он емко обозначает вполне определенный круг проблем, с которыми столкнулись государства региона и которые в том числе требуют выработки политической линии со стороны России. Речь идет о новом этапе военно-политической кооперации и интеграции ряда стран Южной и Восточной Азии и АТР (в западной терминологии – в Индо-Тихоокеанском регионе). При этом в политико-академических кругах существует несколько трактовок и сценариев того, каковы конфигурация, цель и участники такой интеграции.

Чаще всего под терминологией “формирование аналога НАТО в Азии” имеется в виду продвигаемая по инициативе США консолидация группы государств Южной и Восточной Азии и АТР для противостояния Китаю, создание в Азии не столько военного союза, сколько “тематической” аморфной группировки, участников которой объединяют явные или неявные противоречия с активизировавшейся геополитикой КНР.

Но встречается и более прямой смысл понятия “азиатская НАТО”: это замысел формирования в Азии нового формального военно-политического альянса с участием, помимо стран региона, также “заокеанских” партнеров (США, Великобритания и др.), построенного по аналогии с НАТО и/или с ушедшими в историю альянсами СЕНТО (*CENTO*), СЕАТО (*SEATO*) и АНЗЮС (*ANZUS*).

В узком значении речь идет о закреплении и дальнейшем развитии формата так называемого Четырехстороннего сотрудничества в сфере безопасности (*QUAD*), охватывающего США, Японию, Индию, Австралию и в перспективе другие государства АТР¹.

Иногда прообразом межрегионального военного альянса называют также соглашение *AUKUS* (Австралия–Великобритания–США). Однако эта структура формировалась скорее как конкретное соглашение в военно-промышленной сфере, оно

¹ Наблюдателями в *QUAD* являются Новая Зеландия, Южная Корея, Вьетнам.

ближе по типу к программам в рамках инициативы стран Евросоюза *PESCO* и пока не является даже отдаленной аналогией альянса типа НАТО.

Одновременно существует перспектива реально-го расширения Организации Североатлантического договора в Азию, потенциальное включение в состав ее членов (пусть в особом статусе) таких стран, как Республика Корея, Вьетнам, Таиланд и др.

“Облегченная” версия подобного плана предполагает вовлечение азиатских государств без предоставления формального членства во взаимодействие и сотрудничество с НАТО посредством участия военных этих стран в программе “Партнер с расширенными возможностями” (*Enhanced Opportunity Partner, EOP*), учениях альянса, повышении квалификации командных кадров в Оборонном колледже НАТО (*NATO Defense College, NDC*) в Риме, совещательных форматах, обеспечения “интероперабельности” военных и командных структур Североатлантического договора и азиатских партнеров и пр.

Исследователи из стран самого Азиатско-Тихоокеанского региона под формированием геополитического образования, отдаленно подобного НАТО, нередко подразумевают различные сценарии трансформации АСЕАН, Регионального форума АСЕАН (АРФ) и/или Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)², все еще претендующего, хотя и в меньшей мере, чем раньше, на роль “ОБСЕ для Азии”, в более действенные структуры и общее развитие в разных новых форматах диалога по безопасности.

Дебаты о создании в Азии новой военной структуры (или перепрофилировании и трансформации уже имеющихся) более активны в США, чем в самих странах макрорегиона. При этом они имеют вид не структурированного диалога с единой темой и терминологией (наподобие дебатов о ПРО или о финансировании НАТО в размере 2% ВВП каждой страны), а разрозненных дискурсов в Соединенных

² Действующее с 1992 г. СВМДА по своим целям и функционалу более других объединений сопоставимо с европейской ОБСЕ, включая чрезвычайно широкий состав азиатских стран: Афганистан, Азербайджан, Бахрейн, Бангладеш, Камбоджу, Китай, Египет, Индию, Иран, Ирак, Израиль, Иорданию, Казахстан, Киргизию, Монголию, Пакистан, Палестину, Катар, Россию, Южную Корею, Шри-Ланку, Таджикистан, Таиланд, Турцию, ОАЭ, Узбекистан, Вьетнам. Наблюдателями в СВМДА являются Белоруссия, Индонезия, Япония, Лаос, Малайзия, Филиппины, Украина, США.

Штатах, Японии, Южной Корее, на Тайване, в Индии и ряде других государств, сосредоточенных каждый на своем ракурсе видения проблемы³. Следует сразу обозначить сложность, которую осознают большинство участников обсуждения: создание нового формального военно-политического союза в Азии в современных условиях маловероятно, поскольку наталкивается на расхождение интересов и повестки дня в сфере безопасности у разных региональных держав; гораздо более реалистичным является параллельное развитие уже имеющихся форматов *QUAD*, натовской программы *EOP*, дополнение Транстихоокеанского партнерства⁴ элементами из сферы безопасности.

Основная слабость идеи “азиатской” или “тихоокеанской НАТО” состоит в том, что это не есть инициатива и устремление самих стран макрорегиона. Процесс курируют США, стремясь заострить и направить потенциальную новую структуру против Китая. В то же время использование такой структуры для решения иных — реальных проблем безопасности Индии и Пакистана, двух Корей, разноплановых островных государств — остается побочной задачей задуманного Вашингтоном альянса, серьезно не планируется и не обсуждается американской администрацией.

Нет окончательного решения в отношении того, необходимо ли создание собственно военной организации (блока) с обязательствами взаимной обороны (подобно закрепленным в ст. V Вашингтонского договора НАТО или ст. IV устава СЕАТО) либо гибридное региональное сотрудничество, в котором компоненты военной “интероперабельности” будут переплетены с экономическими, политическими, гуманитарными инициативами. В первом случае встает вопрос, насколько сами США готовы взять под “зонтик” своих взаимных военных обязательств широкую группу стран с разноплановыми проблемами безопасности. Звучит даже такой аргумент: если “новые” государства НАТО, например страны Балтии, не уверены, что США задействуют свой арсенал, обещанный по линии Североатлантического договора для их защиты в случае кризиса, то где гарантии, что Вашингтон сделает это по новым договоренностям в случае кризиса, например, вокруг Малайзии или

Бангладеш? Администрация Д. Трампа (2017–2021) при всей своей антикитайской направленности параллельно взяла курс на сворачивание обязательств США внутри НАТО и, по логике лозунга *America First*, не форсировала взятие новых заокеанских обязательств. Администрация нынешнего президента Дж. Байдена, пообещавшая вернуть “мультилатерализм” в американскую внешнюю политику, более готова к расширению внешних обязательств США, если этой ценой будет продвигаться вопрос о постепенной военно-политической изоляции Китая в регионе.

Во втором случае (вплетения военного компонента в гибридное многомерное региональное сотрудничество) позиции Вашингтона не очень выигрышны, поскольку в макрорегионе уже сформированы крупные структуры такого сотрудничества, в которые США либо не включены, либо присутствуют в слабом статусе наблюдателя: это АСЕАН (10 стран с форматами АСЕАН+3 и АСЕАН+6); Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), девять государств-членов, на территории которых проживает более 45% населения планеты, плюс еще девять стран — наблюдателей и партнеров по диалогу, причем США не получили запрошенный ими статус наблюдателя); инициированное Китаем Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)⁵; Евразийский экономический союз (ЕАЭС)⁶; Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС)⁷ — объединение, конкурирующее с Транстихоокеанским партнерством, из которого администрация Трампа в свою очередь вывела США в 2017 г., и со сменившим его Соглашением ВПСТП⁸. Все эти невоенные организации имеют тем не менее компоненты и проекты в сфере безопасности и объективно составляют альтернативу американским предложениям.

Возникают вопросы, какие страны Азии могут быть реально заинтересованы в новом альянсе с США или трансформации уже существующих

⁵ ВРЭП охватывает 16 стран с населением 3,4 млрд человек, производящим 39% мирового ВВП, это самая крупная на планете зона свободной торговли.

⁶ ЕАЭС, созданный по инициативе России, включает РФ, Казахстан, Белоруссию, Армению, Киргизстан, рассматриваются перспективы подключения Таджикистана.

⁷ АТЭС — одно из самых масштабных региональных объединений, включающее сегодня такие страны, как Австралия, Бруней, Канада, Индонезия, Япония, Республика Корея, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, США, Тайвань, Гонконг, Китай, Мексика, Папуа—Новая Гвинея, Чили, Перу, Россия, Вьетнам.

⁸ Транстихоокеанское партнерство (ТПП), трансформированное после выхода США во Всестороннее и прогрессивное соглашение о ТПП (*Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, CPTPP*), охватывает следующие страны: Бруней, Чили, Новая Зеландия, Сингапур, Австралия, Перу, Вьетнам, Малайзия, Мексика, Канада, Япония.

³ Примером относительно системного изложения разных ракурсов этого дискурса является доклад Белферовского центра Гарвардского университета (США) “Азия единая и свободная?..”. Подробнее см.: Bartnick A. *Asia Whole and Free? Assessing Viability and Practicality of Pacific NATO*. Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. 2020. 56 p. Available at: <https://www.belfercenter.org/publication/asia-whole-and-free-assessing-viability-and-practicality-pacific-nato> (accessed 11.04.2022).

⁴ В настоящее время действует под названием “Всестороннее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве” (ВПСТП).

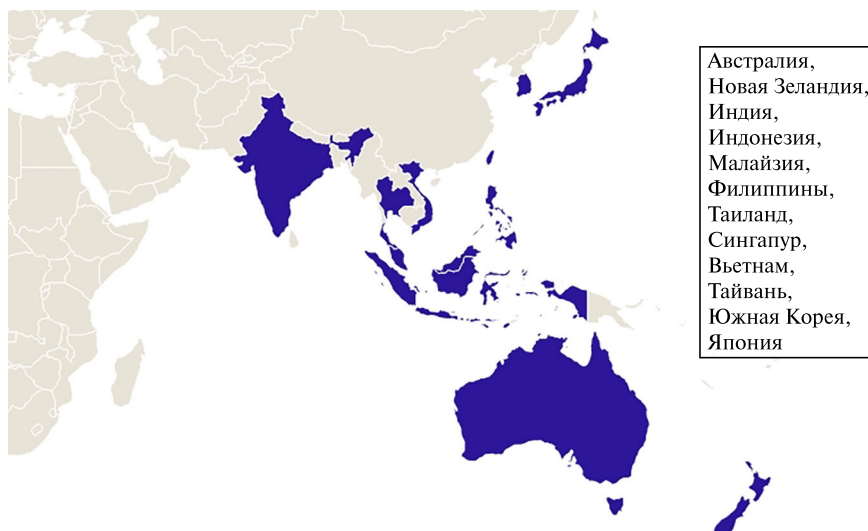

Рис. Страны – кандидаты на участие в новых конфигурациях потенциального военно-политического альянса, в котором заинтересованы США

Разработано автором.

военно-политических связей, а кто не хотел бы поддерживать антикитайскую направленность инициатив Вашингтона. Важно также проанализировать, какой может и должна быть реакция Москвы на изменение конфигурации военно-политических связей в макрорегионе и в каких из региональных международных организаций целесообразно в связи с этим активизировать роль и деятельность России.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ УЧАСТНИКИ НОВОЙ СТРУКТУРЫ

Список стран, обсуждаемых “с подачи” Соединенных Штатов в качестве кандидатов на включение в “азиатскую НАТО”, не охватывает государства Западной и Центральной Азии, а сосредоточен на Южной и Восточной Азии, а также АТР: это Австралия, Новая Зеландия, Индия, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд, Сингапур, Вьетнам, Тайвань, Южная Корея, Япония (см. рисунок).

Хотя среди этих стран есть государства с официальными статусами “союзника США вне НАТО” и “основного партнера по сотрудничеству с США”, большинство из них имеют сложности в военном сотрудничестве с Вашингтоном. Некоторые из азиатских государств ранее уже участвовали в распавшихся к настоящему времени военных альянсах СЕАТО, СЕНТО и АНЗЮС⁹.

⁹ Блок СЕАТО (1954–1977) включал такие страны, как Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, Пакистан, США, Таиланд, Филиппины, Франция. Участниками блока СЕНТО (1955–1979) были Великобритания, Иран, Ирак, Турция, Пакистан. Блок АНЗЮС (создан в 1951 г.) изначально охватывал Австралию, Новую Зеландию и США, однако Новая Зеландия прекратила участие в нем с середины 1980-х годов.

Австралия и **Новая Зеландия** ранее состояли в формальном союзничестве с США в блоке АНЗЮС, однако Новая Зеландия фактически “обездвижила” в 1984 г. этот блок, создав безъядерную зону и запретив американским ядерным подлодкам заходить в свои порты. После чего Вашингтон отозвал свои военные обязательства в отношении этой страны.

Австралия же “заморозила” на 10 лет (2007–2017) инициативу четырехстороннего партнерства *QUAD* своим фактическим неучастием. Китай постепенно стал крупнейшим торговым партнером Австралии, что заставляет Канберру осторожничать со вступлением в антикитайские альянсы. Лейбористская партия Австралии официально заявила, что не поддержит США в случае оказания помощи Тайваню против континентального Китая, и Либеральная партия движется к такой же позиции.

Вовлечение **Тайваня** в потенциальный военный блок логично, с точки зрения американских военных, которые ранее считали остров “непотопляемым американским авианосцем”, но может оттолкнуть целый ряд других азиатских стран, которым важны неиспорченные отношения с Пекином.

Малайзия дает понять, что она не хотела бы вступать ни в какой формальный военный союз. Ее премьер-министр Мухиддин Ясин (2020–2021) являлся активным сторонником развития АСЕАН в качестве организации, исчерпывающей нужды координации в сфере безопасности. После его отставки кардинального изменения такой позиции не последовало. Экономически страна ориентирована преимущественно на Китай, активно участвует в инициативах “Пояс и Путь” и ВРЭП.

Филиппины имели Договор о взаимной обороне с США (1951 г.), но в 1991 г. отказали Вашингтону в возобновлении соглашений о военных базах. Пришедший к руководству страной в 2016 г. Родриго Дутерте занял позиции открытой критики политики США, посетив Китай с дружественным визитом. В июне 2021 г. в очередной раз было отложено продление соглашения о размещении американских войск и военной техники на территории страны.

Сингапур, получивший в 2005 г. официальный статус “основного партнера США по сотрудничеству”¹⁰, тесно связан с Соединенными Штатами в военном отношении. В той же степени он взаимосвязан с Китаем экономически. Кроме того, большую часть его населения составляют этнические китайцы. Сингапур, как и целый ряд соседних стран региона, будет всячески избегать однозначного выбора между США и КНР посредством вступления или невступления в военный союз антикитайской направленности.

Таиланд значился среди участников SEATO, стал десятым официальным “союзником США вне НАТО” в декабре 2003 г., а в 2012 г. увидело свет двустороннее Заявление о совместном видении оборонного тайско-американского союза. Но отношения США с тайскими военными заметно ухудшились после государственного переворота в этой стране в 2014 г. В итоге США ввели ограничения на военное сотрудничество с Таиландом. Между тем Таиланд подписал ряд договоренностей о военных закупках с Китаем, включая крупнейшее для Таиланда соглашение о закупке танков и подводных лодок¹¹. Совместные военные учения с американскими военными не прекратились, однако одновременно с КНР Таиланд проводит больше совместных военных учений, чем любая другая страна Юго-Восточной Азии. Как заявлял министр обороны Таиланда Раксак Роджпхипхун: “Дело в поддержании баланса... мы не можем выбрать одну сторону, мы должны быть в дружественных отношениях со всеми...” [1]. Таким образом, Соединенным Штатам будет нелегко добиться от Королевства Таиланд вступления в формальный альянс, который бы исключал и антагонизировал Китай.

Отношения США и **Вьетнама** медленно и трудно нормализовались на протяжении десятилетий после Вьетнамской войны (1964–1975), унесшей жизни более миллиона вьетнамцев. Однако в 2013 г. американский президент Б. Обама (2009–

2017) объявил Вьетнам “всесторонним партнером США”, посетил страну и на ее территории объявил о снятии эмбарго на поставки вооружений, которое действовало 50 лет. По опросам *Pew Research Center*, во Вьетнаме на 2018 г. большинство опрошенных граждан (84%) имели позитивный имидж Соединенных Штатов. Вьетнам закупил оружия в США на 54 млн долл. в одном 2017 г., однако эти данные стоит сравнить с военными закупками на 467 млн долл. в России в том же году. В следующем 2018 г. по настоянию США Вьетнам сократил военные закупки в России до 327 млн долл., но военные закупки в США за тот же год составили ноль долларов¹². Вьетнам имеет серьезные претензии в Южно-Китайском море, которые пересекаются с интересами Китая, Индонезии, Малайзии, Филиппин, Тайваня и Брунея. Перед вступлением в гипотетический новый азиатский военный союз стране придется разрешить или “заморозить” свои территориальные споры со всеми остальными претендентами за исключением Китая, к которому эта группа стран тогда могла бы предъявить скоординированные коллективные требования.

Индия как страна – основатель “Движения неприсоединения” всегда в своей современной истории либо осторожно, либо отрицательно относилась к военным союзам. До распада СССР она имела достаточно тесные дружественные связи с Москвой. Однако по мере заключения так называемой американо-индийской ядерной сделки (2008 г.) и присвоения Вашингтоном Индии в июне 2016 г. статуса “основного партнера США в оборонной сфере” Соединенные Штаты сменили Россию в качестве крупнейшего поставщика военных закупок. Правда, по другим оценкам, до 75% всей военной техники Индии закуплено в СССР/России¹³. США угрожают масштабным применением санкций против Индии в связи с ее контрактом на закупку систем С-400 в России. В то же время, несмотря на препятствия в военном партнерстве США и Индии, последняя имеет застарелые “цивилизационные” противоречия с Китаем и является одной из немногих стран региона, которых, гласно или негласно, устроила бы антикитайская направленность замысла нового военного альянса, если Вашингтону удастся преодолеть неприязнь и недоверие страны – основателя “Движения неприсоединения” к военным альянсам вообще.

Интересы **Южной Кореи** очень тесно переплетены с американскими военными задачами и возможностями. Однако бывшему президенту США

¹² Данные по опросу и закупкам приводятся по: Bartnick A. *Op. cit.*

¹³ Конкретные данные по масштабам индийских закупок российской военной техники см.: Какое оружие из России получило индийскую прописку. *ТАСС*, 11.04.2018. Available at: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5111597> (accessed 30.05.2022).

¹⁰ *Major Security Cooperation Partner.*

¹¹ Данные по Таиланду см.: Евтодьева М.Г., Крамник И.А., Стефанович Д.В. *Военно-техническое сотрудничество стран Юго-Восточной Азии.* Москва, ИМЭМО РАН, 2021. 148 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0596-3

Д. Трампу удалось ее антагонизировать, увеличив требование ежегодной оплаты пребывания в стране американских войск с 800 млн до 1.3 млрд долл.¹⁴ Проблему представляет и удержание южнокорейцев в одном союзе с японцами, учитывая степень цивилизационной напряженности между двумя государствами и их элитами.

В 1951 г. Япония и США подписали Пакт о совместной безопасности. В 2015 г. правительство премьер-министра Синдзо Абэ провело закон, разрешающий Японии “действовать в формате коллективной самообороны... в случае экзистенциальных угроз безопасности Японии”¹⁵. Если для Японии усиливающийся, в том числе в части ядерных арсеналов, Китай представляется долгосрочным вызовом, то Северная Корея – жизненной угрозой. Япония хотела бы “перепрофилировать” направленность военной интеграции в регионе острием в направлении не столько против Пекина, сколько Пхеньяна. Но Токио, как и Сеул, напрягает возможность перспективы, при которой Япония и Южная Корея могут оказаться союзниками в одном альянсе.

В целом, как пишет новозеландский эксперт Дж. Рольф, очерчивая круг взаимных региональных претензий и интересов, “существует по крайней мере 25–30 идентифицируемых и различных между собой инициатив по сотрудничеству и диалогу..., большинство из них сформированы без соотнесения с другими и никакие из них не связаны между собой обязательным образом” [2, р. 5].

Вопрос сложной “совместимости” потенциальных азиатских союзников подрывает замысел американоцентричного антикитайского альянса. Действительно, многие соседи КНР имеют по отношению к ней территориальные и акваториальные претензии. Но существующие претензии на одни и те же территории и акватории сталкивают Вьетнам, Малайзию, Тайвань, Филиппины, Южную Корею и пр. между собой, заставляя перед вступлением в единый союз сначала согласовать общие претензии к Китаю, что как раз маловероятно.

Министры обороны стран *QUAD* пока лишь перешли в совместных официальных заявлениях от формулы “беспокойства” по поводу действий Китая к формуле “кризисности, порождаемой поведением Китая”. При этом, правда, премьер-министр Японии Е. Суга выступил 12 сентября 2020 г.

¹⁴ См.: “Тактика выкручивания рук”: Почему Южная Корея и США не могут договориться о плате за размещение американских войск. *Russia Today*, 20.11.2018. Available at: <https://russian.rt.com/world/article/574818-ssha-yuzhnaya-koreya-soglashenie-voiska> (accessed 30.05.2022).

¹⁵ См.: В Японии окончательно принят закон о расширении полномочий сил самообороны страны. *TASS*, 18.09.2015. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2274808> (accessed 30.05.2022).

в Национальном клубе прессы Японии с заявлением, что “страны АСЕАН участвовать в азиатской НАТО не могут”¹⁶.

Однако в целом вокруг противостояния с Китаем в АТР сложилось “облако” обоснований, приподнявшее прагматическую политику США, Японии и ряда других стран с уровня тактики “сдерживания” Китая на уровень стратегии.

Со своей стороны администрация США под руководством Дж. Байдена разделяет сформированные предшествующей администрацией в 2017–2020 гг. оценки Китая и продолжает внедренную Д. Трампом Индо-Тихоокеанскую стратегию, центрированную против геополитики Пекина. США при Байдене провозглашают, что КНР является основным стратегическим конкурентом, создающим угрозу их национальной безопасности и заставляющим “держать Китай под контролем”.

ЧЕТЫРЕХСТОРОННИЙ ДИАЛОГ ПО БЕЗОПАСНОСТИ В АТР

Четырехсторонний диалог по безопасности (*QUAD*) между США, Японией, Индией и Австралией фактически распался (или скорее “заснул”) менее чем через год после его формирования в 2007 г. Первой его покинула Австралия. Изначально антикитайская направленность в объединении присутствовала в относительно умеренной пропорции. Однако в ноябре 2017 г. администрация Трампа активизировала этот формат, попытавшись заострить его против Китая. По словам бывшего посла Евросоюза в Корее М. Рейтерера, “фактор сдерживания Китая отрицается всеми странами-участницами, правда, это никого не убеждает” [3, р. 6]. Администрация Байдена в целом не расходится с предшествующей в оценке целей и повестки дня “четверки”. Но фокус оказался несколько смещен в сторону характерной для Байдена и американской Демократической партии в целом либеральной философии международных отношений: *QUAD* рассматривается как ключевой механизм восстановления многосторонних альянсов безопасности на азиатско-АТРовском направлении, что соответствует общей логике обещаний действующего президента США возродить многосторонность, подорванную Трампом. Администрация Байдена нацелена на повышение значимости четырехстороннего диалога и усиление взаимодействия в сфере безопасности между его участниками.

¹⁶ О дебатах с участием Е. Суги и бывшего министра обороны С. Исибы см.: Абиру Т. Внешнеполитический трек Ёсихидэ Суги: между США и Китаем. *Международный дискуссионный клуб “Валдай”*, 06.11.2020. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vneshnepoliticheskiy-trek-yesikhide-sugi/> (accessed 30.05.2022).

Пока неясно, пойдет ли администрация США на расширение “четверки” и создание так называемого *QUAD Plus*. Вашингтон заявил о желательности присоединения Южной Кореи, Вьетнама, Новой Зеландии и других стран к “расширенной версии” этого объединения. Аналитики влиятельного Института международных отношений и национальной безопасности Республики Корея подтверждают, что Сеулу негласно предлагают вступить в данный формат. При этом они высказывают опасение, что участие в альянсе антикитайской направленности может повредить межкорейскому диалогу (учитывая имеющиеся дружественные связи КНР и КНДР, такой шаг будет расценен Пхеньяном как очередной вызов). Южнокорейские эксперты¹⁷ призывают правительство Республики Корея присоединяться к *QUAD Plus* на избирательной основе, только если сам четырехсторонний форум вместо концентрации на сфере безопасности охватит сотрудничество в более широких секторах экономики, торговли и технологий.

В Индии также звучат голоса сомнения относительно полезности активизации “вращения” страны в *QUAD*. Индийский Институт мира и исследования конфликтов отмечает, что военное вовлечение в *QUAD* помешает развитию индийско-китайских отношений, которые перешли в новое качество после двустороннего неформального саммита 2018 г. Для Индии этот альянс не представляется полезным, поскольку имеет неясное определение целей, роли и задачи. Аналитики индийского института также советуют вместо связей по линии *QUAD* усилить сотрудничество с Индонезией, Вьетнамом и получить доступ для индийского флота в их доки и порты, в то время как в регионе Тихого океана индийский флот не имеет стратегических интересов и для него проецировать свою силу в данном направлении, даже для учений, будет затруднительно в финансовом и логистическом отношении. Исследование института завершается выводом: “Вместо вступления в альянс, нацеленный против одной страны, который к тому же может дестабилизировать формирующийся статус-кво, Дели следует придерживаться тактики неприсоединения, балансируя между Западом, АСЕАН и Китаем” [4].

Высказываются в Индии и иные оценки. Вице-адмирал В. Шанкар напоминает: “Единственной исторической параллелью альянсу *QUAD* является Организация Североатлантического договора (НАТО)”. Вице-адмирал анализирует Вашингтонский договор, выполняющий функции Устава НАТО, и призывает создать формализованный

¹⁷ Например, руководитель Центра исследований АСЕАН–Индия в Институте международных отношений и национальной безопасности Дипломатической академии Республики Корея Чои Вонги (*Choe Wongi*).

Устав *QUAD*, опираясь на аналогичный документ Североатлантического альянса. Он считает, что в Уставе *QUAD* можно было бы закрепить три цели. *Первая* – утверждение регионального порядка, основанного на взаимоприемлемых правилах, включающих “националистический милитаризм на манер китайского”. *Вторая* – обеспечение либерального торгового режима и свободы навигации для примерно 60% мировых торговых перевозок, которые идут через Индийский и Тихий океаны. *Третья* – обеспечение гарантий одним стран другим в сфере безопасности [5].

Фактически на сегодняшний день инициатива возрождения формата *QUAD* и обострения его антикитайской направленности все еще находится в “зародышевом” состоянии. Южнокорейские эксперты В. Пайк и Дж. Парк утверждают, что после 2007 г. *QUAD* и вовсе “умирал”, а в настоящее время имеет место *QUAD-2*, который является “реинкарнацией провалившегося Четырехстороннего диалога по безопасности образца 2007 года (*QUAD-1*)” [6, р. 36]. *QUAD* имеет низкий уровень институционализации, его символическое значение заметно больше практического. Индия является инициатором превращения военно-морских учений “Малабар” (участники: США, Япония и Индия) в северной части Индийского океана в регулярное и “эмблемное” мероприятие *QUAD*, однако Австралия отказалась от участия в трехсторонних учениях. Премьер-министр Австралии Скотт Моррисон¹⁸ заявил, что его страна не будет участвовать в экономических стратегиях по сдерживанию Китая. Одна из основных причин того, что *QUAD* вряд ли будет преобразован в “азиатскую версию НАТО” для сдерживания Китая, состоит в том, что большинство государств региона не желают выбирать между КНР и США, сохранив партнерство с одной из этих держав, но антагонизировав другую.

Как при участии в прочих межгосударственных организациях (например, подобное наблюдается в ШОС), страны складывают в “корзинку” нового формата старые двусторонние связи и проекты, которые уже имеют место в парах США–Япония, Япония–Индия, США–Австралия, и “отчитываются” ими за новый формат. Пока, как представляется, России рано вырабатывать свою реакцию на незавершенное возрождение *QUAD*, которое затрагивает российские интересы весьма косвенно, в основном через проявление антикитайской направленности. Развитие самого *QUAD* может пойти в двух направлениях. Первый возможный вариант – это прагматическое наращивание военно-политического (в основном морского) взаимодействия стран-членов с формализацией до-

¹⁸ Покинул пост 23 мая 2022 г.

говоренностей, проведением учений и морских операций (скорее всего, на основе американских типовых “операций по утверждению свободы судоходства”). Альтернативный вариант – сосредоточение на “идеологическом”, экономическом и технологическом направлениях расширения *QUAD Plus* как многомерной платформы, в которой военное измерение не будет доминирующим. В первом случае практического развития *QUAD* в сторону “азиатской НАТО” России и Китаю придется реагировать, но пока инициатива производит впечатление сидящей на скамье “запасных”. Однако следует обратить внимание на смежные с ней форматы.

КОНСТРУИРОВАНИЕ США ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА И СОПРОТИВЛЕНИЕ СТРАН АСЕАН

Австралийский институт стратегической политики констатирует, что внедряемое США в течение нескольких последних лет понятие **Индо-Тихоокеанского региона (ИТР)** превратилось из географического конструкта в политическое состязание и нагромождение пересекающихся интересов, а также в ярлык для стратегии США [7]. Россия и Китай критикуют это геополитическое и терминологическое нововведение [8]. Южнокорейские исследователи из университетов Мьонгзи и Кеумьон, проанализировав позиции средних и малых стран региона, приходят к выводу, что большинство этих государств “разрываются” между лояльностью в отношении США и нежеланием ссориться с Китаем [9]. С корейскими авторами фактически согласны известный британский эксперт Р. Саква и его российский коллега А. Крикович, которые утверждают, что “основные партнеры проекта (Индия, Япония, Австралия и страны АСЕАН) имеют весьма расходящиеся взгляды относительно ИТР, поскольку их беспокойство, вызванное ростом китайского могущества, сбалансировано желанием продолжать конструктивные и выгодные отношения с КНР” [10].

С точки зрения Китая концепция ИТР также бросает вызов собственно китайской концепции “Морского Шелкового пути”, которая является частью макрогеополитической инициативы Пекина “Пояс и Путь”.

Внедрение концепции ИТР ставит в весьма противоречивое положение 10 стран – членов АСЕАН¹⁹, группировки малых и средних государств, полагающих себя не только экономически-

ми партнерами, но и “сообществом безопасности”: они оказываются, как “меж двух огней”, между необходимостью поддержать во многом взаимоисключающие китайскую и американскую инициативы. Ранее АСЕАН позиционировал себя как “центральную” для безопасности Азии организацию (в условиях отсутствия в этой части света иной континентальной организации универсального представительства типа Африканского союза (АС) в Африке, Организации американских государств (ОАГ) в Америках и ОБСЕ в Европе). В каком-то смысле АСЕАН, особенно с учетом многосторонних расширений АСЕАН-Плюс, в том числе Азиатского регионального форума, тоже претендовал на статус “азиатской НАТО”, за неимением в регионе иных альянсов, работающих с проблематикой безопасности. Но после формирования стратегии ИТР, создания американо-японской стратегии *FOIP*²⁰ и возникновения геополитических оборотов в китайской стратегии “Пояса и Пути” роль АСЕАН как регулятора (пусть слабого) в сфере безопасности еще больше понижается. На заседаниях Азиатского регионального форума даже высказывались мнения, что АСЕАН из “актера” превращается всего лишь в “арену” состязания для США и Китая. Австралийский эксперт Т. Уилкинс в докладе, выпущенном Японским институтом международных отношений, подчеркивает, что страны АСЕАН опасаются распространения концепции Индо-Тихоокеанского региона на сферы геополитики и безопасности, поскольку при этом им придется “занять чью-то сторону” в американоцентричной стратегии, нацеленной против Китая [11].

При этом страны АСЕАН не могут выработать усредненный единый подход к оценке концепции ИТР. Институт исследований Юго-Восточной Азии (Сингапур) провел опрос региональных экспертов, включавший вопрос об отношении к этой концепции [12]. Большинство экспертов (61.3%) присоединились к мнению, что она “неясна и требует дальнейшей проработки”, при этом 11.8% респондентов заявили, что концепция провалилась, скоро исчезнет и не требует никакой серьезной реакции со стороны АСЕАН или других международных акторов. Правда, 17% опрошенных высказались в том плане, что ИТР может быть вариантом нового регионального порядка, но столько же (17%) выразили опасение, что концепция ИТР “подрывает центральную роль АСЕАН в регионе”. Наконец, каждый четвертый опрошенный эксперт

и формат *АСЕАН+6* (плюс Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия).

²⁰ О стратегии *Free and Open Indo-Pacific Region (FOIP)* см.: Торкунов А.В. Стратегия администрации Д. Трампа в Азиатско-тихоокеанском регионе. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 6, сс. 25-37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-25-37

¹⁹ Страны – участницы АСЕАН: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины; странами-наблюдателями в организации являются Папуа–Новая Гвинея и Восточный Тимор. При этом АСЕАН создал две расширенные “орбиты”: формат *АСЕАН+3* (плюс Китай, Япония, Южная Корея)

в странах АСЕАН (25.4%) считает ИТР “американским заговором для подрыва Китая”.

Попыткой унифицировать подход к ИТР стал подготовленный и выпущенный организацией доклад “Воззрения АСЕАН на индо-тихоокеанскую концепцию” [ист. 1]. В целом американская идея была жестко раскритикована. Как заявил всемирно известный ученый А. Ачария, “АСЕАН... утверждает свой собственный путь развития Индо-Тихоокеанской идеи... не позволит странам-аутсайдерам Японии, Австралии, Индии и США доминировать” [13]. В официальном Совместном заявлении министров обороны стран АСЕАН термин “Индо-Тихоокеанская стратегическая концепция” был после дебатов публично вычеркнут и везде по тексту заменен на традиционный “Азиатско-Тихоокеанский регион” [ист. 2].

Официальное разъяснение в документе АСЕАН гласит, что страны – члены организации отказываются рассматривать «Индийский и Тихоокеанский океанические регионы как “ничейное” новое территориальное образование, в то время как это глубоко интегрированные регионы с внутренними связями» [ист. 1, с. 2].

Аналитики отмечают, что концепция ИТР построена на искусственном провозглашении объединенного геополитического водного пространства двух океанов, в котором доминируют США с их лозунгом “свободы судоходства и пролета”. Такая стратегия отесняет континентальные и береговые страны региона, в том числе Китай, во все исключает понятие “Азия”, расчищая поле для американского доминирования далеко от берегов собственного континента.

ВОЕННАЯ КООРДИНАЦИЯ С ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ ПОДТЕКСТОМ

Функционирование НАТО начиналось с взаимодействия министров обороны первых 12 стран – членов альянса. В Азии форматом регулярного многостороннего диалога являются встречи *ADMM-Plus*, в которых участвуют министры обороны 10 стран АСЕАН с приглашением глав или представителей военных ведомств еще 6–8 вне-региональных держав. Следует обратить особое внимание на принятое в АСЕАН Соглашение о предотвращении ошибочной реакции на региональные угрозы безопасности. В настоящее время Россия имеет соглашения о предотвращении военных инцидентов на морях с 12 странами и об общем предотвращении опасной военной деятельности с 6, но все они (за исключением Турции) представляют американский и европейский континенты. НАТО отказалась разрабатывать и заключать с РФ пакетное соглашение о предотвращении эска-

ции военных инцидентов. России в данной связи целесообразно изучить вопрос о возможности разработки и принятия коллективного соглашения о предотвращении эскалации военных инцидентов со странами АСЕАН или по крайней мере рассмотреть детали и механизмы этого соглашения в плане применимости подобных положений в отношении военных инфраструктур России и других государств.

В целом, по оценкам австралийского министерства обороны, Индийский океан в настоящее время уже превзошел Атлантический в качестве наиболее используемого и стратегически важного торгового и морского коридора.

Объявленное в сентябре 2021 г. трехстороннее соглашение *AUKUS* (Австралия–Великобритания–США) поначалу формировалось как сотрудничество в сфере военных технологий, поводом для которого стала военно-промышленная программа производства и закупки атомных подводных лодок [14]. Ряд исследователей сходились во мнении, что *AUKUS* останется среднесрочным торгово-промышленным соглашением [15]. Когда же в марте 2022 г. было объявлено, что *AUKUS* становится форматом для разработки гиперзвуковых вооружений на базе технологического вклада трех стран, а также охватит разработки в сфере военного применения “искусственного интеллекта”, стало ясно, что он становится долгосрочным, хотя и остается скорее военно-техническим, чем политическим [16].

Двух- и многосторонние соглашения о сотрудничестве в сфере обороны являются типовой формой военного и военно-промышленного взаимодействия. В настоящее время в мире действует более тысячи таких соглашений между многими странами. В последнее десятилетие происходит накопление критической массы прямых военных соглашений между азиатскими государствами.

В 2008 г. Индия и Япония подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности, а в 2009 г. добавили к ней План действий. На протяжении 10 лет в 2010-х годах Индия и Япония вели двусторонние консультации по разоружению, нераспространению и экспортному контролю. В 2019 г. Япония и Индия подписали соглашение о сотрудничестве в военной сфере и впервые провели встречу министров иностранных дел и обороны двух стран в формате “2+2” [ист. 3].

Как отмечает правительственный Японский институт международных отношений, “треугольные уравнения Индия–Япония–США и Япония–Австралия–Индия будут главнейшими региональными уравнениями, которые должны определить баланс сил и будущую дорожную карту для безопасности и стабильности Индо-Тихоокеанского сообщества” [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СЛОЖИТСЯ ЛИ В АЗИИ АНАЛОГ НАТО?

Риторика “азиатской НАТО” не представляет на сегодняшний день сколь-нибудь единой инициативы или стратегии, применяется к достаточно широкому кругу разнотипных форматов военно-политической кооперации и интеграции в Азии.

Отдаленной по сути и форме аналогией НАТО в Азии и АТР может рассматриваться четырехсторонний альянс *QUAD*, однако само развитие *QUAD*, прерывавшееся на десятилетие и с 2017 г. возрожденное, находится в начальной стадии. России следует следить за развитием *QUAD* либо в направлении практической военно-политической интеграции в сфере морской деятельности (типа “операций по обеспечению свободы судоходства”), либо в направлении многофункционального формата (пока даже не организации) политико-экономико-технологической координации. В первом случае потребуются координация совместного реагирования России и Китая на появление нового геополитического актора макрорегионального масштаба, во втором – нет.

Развитие в Азии противостоящих друг другу группировок стран в сфере безопасности в основном сосредоточено на вопросах контроля над акваториями, через которые проходит до 60% мирового морского экономического трафика. Традиционные европейские форматы военной кооперации-интеграции и сохранения стабильности (договоры об ограничении вооружений по категориям, инспекции и меры транспарентности) здесь применимы в малой мере. Тем не менее России

целесообразно поддерживать дальнейшее развитие СВМДА, АРФ, то есть многосторонних недискриминационных форматов, инклюзивных в отношении Китая и РФ, продвигать внедрение в практику отношений с азиатскими партнерами мер доверия в военной сфере.

Формальный блоковый военно-политический союз России и КНР на данном политическом этапе невозможен, не соответствует характеру внешнеполитических и оборонных стратегий ни Пекина, ни Москвы. Селективно-кооперативный характер современных военно-политических связей двух стран достаточен, чтобы подавать сигнал США и другим государствам, что помимо антикитайской в регионе есть и дружественная Китаю группа. Тогда как создания новой жесткой “биполярности” в Азии между гипотетическим подобием НАТО и потенциальным новым, уже не Варшавским, а “Пекинским договором” следует избегать, тем более что в такой “биполярности” у России может оказаться не самостоятельная, а вспомогательная роль.

Смена в последние полтора десятилетия стратегий и тактик американских администраций не позволяет говорить о наличии единой и стройной стратегии Вашингтона в макрорегионе, на которую остается “нанизать” все крупные, средние и малые страны Азии и АТР. Не все появившиеся военно-политические кооперации американоцентричны – есть “хорды”, минующие США на карте (Индия–Япония, Япония–Индонезия–Австралия и др.), и в регионе сохраняется возможность формирования кооперативных и интегративных группировок разной направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Heijmans P. U.S. Weapons Sales to Thailand Have a New Competitor – China. *Bloomberg News Articles*, 02.12.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-12-02/u-s-weapons-sales-to-thailand-have-a-new-competitor-china> (accessed 30.05.2022).
2. Rolfe J. Five Eyes/Five Countries. *New Zealand International Review*, 2021, no. 46 (6), pp. 2-5. Available at: <https://search.informit.org/doi/10.3316/informit.158989476182538> (accessed 11.04.2022).
3. Reiterer M. *A China Policy Is Not an Asia Policy, but No Asia Policy Is without a China Policy*. European University Institute Policy Brief. 2021. 9 p. Available at: <https://data.europa.eu/doi/10.2870/663742> (accessed 11.04.2022).
4. Sinha K. *The ‘Quad’: A Strategic Liability for India*. Institute of Peace and Conflict Studies. 08.02.2019. Available at: http://www.ipcs.org/comm_select.php?articleNo=5557 (accessed 11.04.2022).
5. Shankar V. *Quad: The Making of a Robust Entente?* Institute of Peace and Conflict Studies. 12.03.2018. Available at: http://www.ipcs.org/comm_select.php?articleNo=5446 (accessed 11.04.2022).
6. Paik W., Park J.J. The Quad’s Search for Non-Military Roles and China’s Strategic Response: Minilateralism, Infrastructure Investment, and Regional Balancing. *Journal of Contemporary China*, 2021, no. 30 (127), pp. 36-52. DOI: 10.1080/10670564.2020.1766908
7. Dobell G. Indo-Pacific: from Construct to Contest. *The Strategist. Australian Strategic Policy Institute*, 24.06.2019. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/indo-pacific-from-construct-to-contest/> (accessed 11.04.2022).
8. Denisov I., Paramonov O., Arapova E., Safranchuck I. Russia, China, and the Concept of Indo-Pacific. *Journal of Eurasian Studies*, 2021, vol. 12, iss. 1, pp. 72-85. Available at: <https://doi.org/10.1177/1879366521999899>
9. Jung S. Ch., Lee J., Lee J.-Y. The Indo-Pacific Strategy and US Alliance Network Expandability: Asian Middle Powers’ Positions on Sino-US Geostrategic Competition in Indo-Pacific Region. *Journal of Contemporary China*, 2021, no. 30 (127), pp. 53-68. DOI: 10.1080/10670564.2020.1766909

10. Krickovic A., Sakwa R. From Greater Europe to Greater Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, 2021, vol. 12 (1), pp. 3-4. Available at: <https://doi.org/10.1177/1879366521999907>
11. Wilkins Th. *Searching for a Middle Path: ASEAN and the "Indo Pacific"*. The Japan Institute of International Affairs. Policy Brief. February 11, 2020. 20 p. Available at: https://www.jiia-jic.jp/en/policybrief/pdf/PolicyBrief_Wilkins_200211.pdf (accessed 06.04.2022).
12. Tang Siew Mun et al. *The State of Southeast Asia: 2019 Survey Report*. Singapore, ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2019. 25 p. Available at: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TheStateofSEASurveyReport_2019.pdf (accessed 11.04.2022).
13. Acharya A. Why ASEAN Indo-Pacific Outlook Matters. *The Strategist. Australian Strategic Policy Institute*, 12.08.2019. Available at: <https://www.aspi.org.au/why-aseans-indo-pacific-outlook-matters/> (accessed 11.04.2022).
14. Masuhr N., Schepers N. *AUKUS: Below the Surface*. Analytical Report of the ETH Zurich. 4 p. Available at: <https://css.ethz.ch/en/center/CSS-news/2022/03/aucus-below-the-surface.html> (accessed 09.04.2022).
15. Shoebridge M. *What is AUKUS and What Is It Not?* Australian Strategic Policy Institute. 10 p. Available at: <https://www.aspi.org.au/report/what-aucus-and-what-it-not> (accessed 09.04.2022).
16. Cheng M. AUKUS: The Changing Dynamic and Its Regional Implications. *European Journal of Development Studies*, 2022, no. 2 (1), pp. 1-7. Available at: <https://doi.org/10.24018/ejdevelop.2022.2.1.63>
17. Chansoria M. *2019 ASEAN Defense Ministers' Meeting-Plus: Enhancing Bilateral and Regional Cooperative Security for India and Japan in the Indo-Pacific*. The Japan Institute of International Affairs. 17.12.2019. 9 p. Available at: https://www.jiia-jic.jp/en/policybrief/pdf/Monika_Chansoria_Dec_17_2019.pdf (accessed 09.04.2022).

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *ASEAN Outlook on the Indo-Pacific*. Association of South East Asian Nations. 23.06.2019. Available at: <https://asean.org/speechandstatement/asean-outlook-on-the-indo-pacific/> (accessed 11.04.2022).
2. *Joint Statement by the ADMM-Plus Defense Ministers on Advancing Partnership for Sustainable Security*. Association of South East Asian Nations. 22.11.2019. Available at: <https://asean.org/joint-statement-by-the-admm-plus-defence-ministers-on-advancing-partnership-for-sustainable-security/> (accessed 11.04.2022).
3. *Joint Statement First Japan-India 2+2 Foreign and Defense Ministerial Meeting*. 30.11.2019. Available at: <https://www.mofa.go.jp/files/000544338.pdf> (accessed 11.04.2022).